

УКРАШЕНИЯ И ПОЯСА В БЫТУ И КУЛЬТАХ АЙНОВ

На сегодняшний день существует много проблем, связанных с происхождением айнов. Начальные этапы этнической истории этого народа уходят корнями в далекое прошлое. Целый ряд аспектов традиционной культуры айнов во многом остаются до настоящего времени малоизученными.

Верхние границы становления айнской народности, согласно большинству современных японских исследователей, определяются XIII в., т.е. заключительным этапом эпохи Сацумон (VIII–XIII вв.). Территория расселения айнов была обширной и включала в себя Сахалин (яп. Карафутто), Хоккайдо (до революции Мэйдзи Эдзо или Эдзогасима), Курильские о-ва (яп. Тисима), кроме того, побережье реки Амур и южную часть побережья Камчатки. Непосредственное влияние на айнов оказывали нивхи и ороки – на Сахалине, ительмены – на Камчатке, кроме того, русские – на Курильских о-вах и японцы – на Хоккайдо (*Сасаки* 2001: 6). Археологические и письменные источники свидетельствуют о том, что наибольшего расцвета айны достигли в эпоху Кинсэй (с начала XVII в. по 1868 г.).

Постепенное угасание айнской культуры происходило в ходе колонизации. Особенно со второй половины XVIII – XIX в. активно осуществлялась ассимиляция айнов, поэтому были утрачены или трансформированы до неузнаваемости многие представления, обряды, методы традиционных ремесел. Дело усугубили и проблемы внешней политики между Россией и Японией, в результате которой произошло поэтапное насильственное переселение айнов с Сахалина и Курильских о-вов на Хоккайдо. В 1855 г. по Симодскому трактату, к Японии отошла южная часть Курильских о-вов. В этом русско-японском договоре Сахалин был обозначен как "не разделенная" между двумя государствами территория. В 1875 г. стороны заключили еще один договор, в соответствии с которым все Курильские о-ва переходили к Японии в "обмен" на южную часть Сахалина. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. к Японии был присоединен и юг Сахалина. В 1884 г. японцы осуществили переселение аборигенов Курильских о-вов на о-в Шикотан, а позднее и на Хоккайдо. Последний курильский айн умер в 1941 г. После Второй мировой войны на Хоккайдо были переселены и айны о-ва Сахалин. Таким образом, утрачивались многие самобытные черты. В настоящее время айны Сахалина и Курильских островов уже перестали существовать как этнос.

Айнская народность в настоящее время характеризуется довольно большим комплексом предметов материальной культуры, которые хранятся в различных музеях мира. Важное место здесь занимают украшения. В целом их можно разделить на украшения головные, шейные и ручные. К первому типу относятся серьги, ко второму – ожерелья, к третьему – браслеты и кольца. Кроме того, функцию украшения выполняли и пояса. Если серьги являлись и мужским, и женским аксессуаром, то ожерелья, браслеты, кольца, а также пояса (с металлическими бляшками) – женскими. Не исключено, что некогда и мужчины использовали шейные и ручные украшения, но в процессе ассимиляции и трансформации айнской культуры украшения перешли в ряд женских.

В этнографической литературе по айнам практически отсутствуют сведения о культовых функциях украшений. Вероятно, это объясняется тем, что культовые функции "отошли на второй план" в культуре айнов до того, как та стала объектом

пристального внимания японских и европейских исследователей. Мы попытаемся выяснить, какие именно функции могли выполнять те или иные предметы.

В качестве украшений для головы айны употребляли серьги – "нинкари" (айнск.). Это были кольца из латунной проволоки, которые продевали сквозь отверстие в мочке уха. Их носили как мужчины, так и женщины, однако в настоящее время нинкари стали элементом лишь женских украшений. Как правило, нинкари достигали диаметра 5–7 см, тем не менее изредка встречаются образцы огромных размеров. К кольцу прикреплялся металлический шарик с ажурной резьбой, иногда стеклянный шарик или красная тряпица (Ainu-no biso:i 1998: 16; *Sasaki* 1995; *Tsuda* 2004: 48). У айнов Сахалина аналогичные украшения были известны под названием "ипуyno". Интересные образцы ипуyno имеются в Сахалинском областном краеведческом музее (*Прокофьев* 2005: 68). В письменном источнике эпохи Кинсэй – "Эдзоси" (1720 г.), составленном Араи Хакусэки, имеются сведения об ушных украшениях айнов Курильских о-вов. Здесь указывается на то, что мужчины носили распущенные волосы, длинные бороды, в уши вдевали серебряные кольца "мимива" (яп.) (*Sasaki* 2001: 71). Н.Г. Манро рассматривал кольцообразные серьги айнов в качестве амулетов, которые предохраняли ушные раковины от проникновения туда злых духов (*Munro* 1963: 61). К вопросу о культовом назначении серег следует обратить внимание на коллекцию металлических шаманских масок северобайкальских эвенков, собранную в 1927 г. М.Г. Левиным. Некоторые из них имели интересную особенность, а именно на месте ушей были подвешены металлические кольца с пучками цветных матерчатых ленточек (*Иванов* 1970: 257). Вероятно, кольца с ленточками в данном случае являлись важным культовым атрибутом.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.) вместе с запретом на татуировки гонения распространились и на пользование ушными украшениями, однако в некоторых районах этот обычай сохранился (*Tsuda* 2004: 67).

Что касается айнских ушных украшений из числа археологических находок, то в захоронениях Иодзан района Каминокуни были обнаружены нинкари, датирующиеся XV–XVI вв. Кроме того, металлические элементы айнских украшений, некоторые из которых, вероятно, являются частью ушных, имелись в Нибутани – памятнике айнской культуры эпохи средних веков – Кинсэй, расположенном на Хоккайдо в районе р. Сару (*Morioka* 2001: 103).

Серьги употребляли не только айны, но и народы Дальнего Востока. По свидетельствам Л. Шренка, их носили все жители Амурского края, в том числе и нивхи. Такие серьги изготавливались из серебряной или медной проволоки, которая сверху сгибалась в кольцо, а снизу завивалась в спираль. Иногда серьга представляла собой более крупное кольцо из серебряной проволоки, унизанное стеклянными бусинами или плоскими с дырочкой посередине кружками из белого камня (яеита) с сероватым или зеленоватым отливом. Мужчины носили постоянно по одному кольцу в каждом из ушей, а женщины – по два, а то и по три более крупных кольца с подвесками, иногда довольно длинными. Нивхи, ульчи, ороки, негидальцы при этом кроме серег не употребляли никаких других украшений ни для головы, ни для лица (*Шренк* 1899–1903. Т. 2: 106).

Можно предположить, что нинкари некогда служили в айнской культуре культовым целям. Конкретные подтверждения такой гипотезе найти довольно трудно, тем не менее, проанализировав особенности религиозного мировосприятия айнов, нельзя не согласиться, что серьги являлись чем-то большим, нежели простым декоративным элементом.

"Тамасай" (айнск.) – одно из наиболее известных шейных украшений айнов. Оно относится к разряду женских аксессуаров. Данное украшение представляет собой связку бус с подвешенной к ним декоративной пластиной "ситоки" (айнск.). Известны такие тамасай, у которых вместо пластины снизу помещалась большая бусина. В качестве металлической пластины айны нередко использовали японские гарды цуба

(яп.) или же зеркала (*Sasaki* 1995: 48). Как правило, пластины были японского производства, тем не менее встречаются деревянные пластины собственного производства айнов. Иногда деревянные пластины наклеивали на металлические. Декоративная пластина обычно имела диаметр около 10 см (*Tsuda* 2004: 67).

Бусины большей частью представлены продукцией с материка, которая попадала на Хоккайдо через Сахалин. Нивхи в эпоху Эдо (1603–1867) часто использовали бусины в качестве товара для меновой торговли с айнами, и они крайне ценились последними (*Ainu-no biso:i* 1998: 16). Следует указать на тот факт, что бусины производились для айнов и японцами, в частности кланом Мацумаэ (*Ainu-no rekishi* 2002: 16).

В целом бусины по своему размеру поддаются следующей классификации: малые, средние и большие. Наиболее крупные бусины достигали размеров 4–5 см, самые мелкие – 3 мм. Бусины, диаметр которых превышал 1 см, представляли собой японскую продукцию, производившуюся в Эдо и Осака. Среди других народов Дальнего Востока, например, бусины диаметром свыше 1 см не встречаются. Бусины же меньшего размера, вероятно, происходили именно с материка. Точка зрения, согласно которой все бусины, попадавшие к айнам, являлись продукцией "сантан"¹, – неправильна (*Sasaki* 2001: 170). Если говорить о форме бусин, то особенно много круглых, слегка приплюснутых (*Tsuda* 2004: 67). По цвету преобладали голубые, черные и желтые бусины. Тем не менее встречаются и другие цвета – темно-синие, белые, красные, среди них прозрачные. В коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН имеется ряд украшений, в том числе ожерелье из свинцовых бус айнов Хоккайдо (№ 839–64), а также связка, состоящая из маньчжурских бусин с большой голубой бусиной посередине (№ 839–76). Иногда при изготовлении украшений айны вместо стеклянных бус использовали агат, янтарь, кристаллы. Между бусинами могли вставлять старые мелкие монеты и серебро, латунные, деревянные либо керамические шарики.

Связки бус тамасай представляли собой различного рода конструкции. Встречаются украшения, состоящие только из одной нити бус, а также украшения из двух и из трех нитей. Их можно встретить и на Хоккайдо и на Сахалине. В последнем регионе использовали и такие украшения, у которых нижняя часть бус принимала форму петли "амимэ" (яп.) (*Ibid.*: 67).

Если обратиться к археологическим находкам, то уже в захоронениях Хоккайдо, относящихся к III–I тысячелетиям до н. э. (эпоха Дзёмон) в числе погребального инвентаря обнаруживаются бусины из зеленой яшмы, змеевика, стеатита и кварца². Имеется множество бус из нефрита, зубов акулы, а также из оливина. Носители культур Эбэцу и Эсан³ использовали в качестве украшений для шеи и рук трубчатые бусы, бусы из янтаря и стекла (*Арутюнов, Щебенков* 1992: 43). Из группы захоронений Готэнъяма, расположенных недалеко от устья р. Сидзунай (поздний период Дзёмон), были извлечены четыре глиняные фигурки догу. Р.С. Васильевский обратил внимание на то, что у одной из них были условно переданы одежда и ожерелье, заканчивающееся на груди большим круглым предметом (*Васильевский и др.* 1982: 160). Кроме того, у фигурки, обнаруженной на стоянке Тебонайно (у. Каябэ), вокруг шеи была обвита тонкая лента из глиняного жгута с четырьмя шариками, возможно, ожерелье. Также и на фигурке из Сацукари прослеживаются спускающиеся слева и справа от шеи две линии из треугольных насечек, которые сходятся на груди. Аналогичный декор имеется на спине. По-видимому, все это являлось имитацией ожерелья (Там же 1982: 165). В определенном смысле их можно рассматривать в качестве аналогий традиционным айнским украшениям. Что касается археологии по айнской культуре, следует обратить внимание на группу памятников, расположенных в районе р. Сару – Ёй тяси и Поромой тяси. Данные памятники включают в себя предметы, датирующиеся эпохой средних веков – Кинсэй. Под "средними веками" мы понимаем время с XIII по XVI в., а под "Кинсэй" – время с XVII в. до середины XIX в., т.е. период Эдо. В Ёй тяси

были обнаружены стеклянные фигурные бусины голубоватого и зеленоватого оттенков. Из Поромой тяси извлекли округлые стеклянные бусины – голубые, зеленые, красные и прозрачные. Голубые бусины имелись также в памятнике Опаусинай-1. Кроме того, интересная разновидность бусин из глины была обнаружена в памятнике Ируэкаси. Оба памятника датируются той же эпохой, что и Поромой тяси (Morioka 2001: 100).

К. Киндаити усматривал истоки происхождения тамасай в шаманизме (Kindaiti 1941: 27). Есть основания предполагать, что функцию декоративного элемента парадного женского одеяния айнов тамасай приобрел со временем. Если говорить о тамасай с точки зрения его культовых функций, то прежде всего следует обратить внимание на металлическую декоративную пластину. В большинстве случаев она круглой формы и нередко представляла собой бронзовое зеркало. В качестве примера можно привести тамсай с бронзовым зеркалом японского производства из археологического памятника Хоккайдо – Пипаусь-1. Бронзовые зеркала с давних времен были связаны с японскими культурами. Кроме того, они широко применялись и в культовых практиках сибирских народов.

На японские острова бронзовые зеркала были завезены из Китая приблизительно на рубеже нашей эры. Наиболее ранние образцы обнаруживаются на севере Кюсю. Они входят в состав погребений, датирующихся I в. до н.э. – I в. н.э. С образованием древнего государства Ямато (эпоха Кофун, III–VI в.) бронзовые зеркала попадают и на Хонсю. Вероятно, на готовые образцы бронзовых изделий здесь переносились издавна существовавшие представления в применении к другим предметам. Зеркало получило распространение главным образом как талисман, имеющий магическую функцию над злыми духами (Кузнецова 1997: 215).

В культуре бронзовых зеркал на японских островах можно усмотреть несколько религиозно-мифологических традиций, а именно солярный культ древнего населения Японии, почитание зеркала как магического предмета, связанное с материковыми шаманскими представлениями, а также древние японские культы синто. До IX в. зеркала в Японии использовались в погребальных обрядах.

В синтоистских культах зеркало служило вместилищем и воплощением божества Аматэрасу. Зеркалу поклонялись как изображению солнечного диска. Интересно, что айны, в свою очередь, почитали свернутое в кольцо и сплетенное из травы изображение солнечного змея "инока-камуй", а также деревянный диск с изображением двух свернувшихся змей, называемый "чүф-камуй" ("солнечный бог"). Таким образом, зеркалу-символу японского солнечного божества соответствовали дискообразные изображения айнского "чүф-камуй". Если говорить о культе змеи, то известно, что в айнской культуре змея имела непосредственное отношение к божеству солнца (Окладникова 1995: 144). Можно предположить, что у айнов некогда декоративные дискообразные элементы украшений тамасай имели отношение к культу солнечного божества и выполняли функцию покровительства и защиты.

Тэцу Масумото в одной из статей подробно рассмотрел образец шаманского пояса рода ульчей айнского происхождения с Нижнего Амура. На поясе в качестве подвесок имелись гарды японских мечей – *цуба*, а также зеркало китайского происхождения. Исследователь попытался выявить археологические параллели таким зеркалам в шаманской атрибутике. В качестве примера он указал на находки, сделанные в Приморье в долине Большого Лохматого Ключа. Здесь были обнаружены клад, включавший в себя девять зеркал эпохи Цинь, а также железные конусообразные подвески и монеты (зеркала и подвески из этого клада аналогичны тем, что имелись на поясе Куйсали) (Тэцу 2000: 122). У народов Монголии, Кореи, северо-востока Китая, Южной Сибири, а также и у нгансан, проживающих на п-ве Таймыр, зеркала дисковидной формы нередко прикреплялись к шаманским костюмам и использовались при камлании. Они назывались "толи". Нанайцы, в частности, такие зеркала прикрепляли

ремешками на спину или на пояс, чтобы предвидеть будущее или же защититься от стрел врагов. Элементы шаманского костюма были связаны с представлениями о Мировом дереве, листья которого – зеркала, а цветы – колокольчики конгокут. Те же идеи, по-видимому, были характерны и для удэгейцев Приморья (Там же). У ульчей и нанайцев слово "толи" ассоциировалось со щитом шаманов от злых духов, предвидением будущего, а также отражением добра и зла. У нивхов бронзовые шаманские зеркала являлись атрибутами проводов души в загробный мир. Считалось, что зеркала могли служить также вместилищем разных всевозможных духов-помощников. Становится понятным, что в культурах народов Нижнего Амура зеркала имели особое значение, связанное с культовыми практиками (Там же: 123). Можно предположить, что айны, находившиеся под сильным влиянием северных народов, некогда восприняли эти представления.

Если говорить о соотношении ожерелья тамасай с предметами культа, следует указать на "эка-эка" (айнск.) – айнский амулет в виде тесьмы, плетеной из белой и черной хлопчатобумажных веревочек. Полагали, что данный амулет обладал способностью лечить от болезней и оберегать от них. Айны верили, что амулет приобретет силу только после того, как обе пряди будут свиты вместе и некто из уважаемых людей вознесет молитву божеству огня, чтобы тот наделил данную вещь душой. Конец тесьмы затем сжигался на огне. К тесьме могли крепиться растения, включая ядовитые, стеклянные бусины либо трава, свернутая спиралью (*Wada* 1999: 270). Здесь опять же вспоминается айнский талисман – свернутое в кольцо, сплетенное из травы, изображение солнечного змея "инока-камуй". Эка-эка изготовлялся и носился, как правило, только женщинами либо на шее как ожерелье, либо вокруг талии. Обращает на себя внимание тот факт, что если эка-эка носили на шее, название менялось на "рэкутунпэ" (айнск.) (*Ibid.*: 270). Рэкутунпэ также являлось одной из разновидностей шейных украшений, широко использовавшихся айнами наравне с тамасай. Оно изготовлялось в виде небольшого пояса (как правило, из черной ткани), к которому прикреплялись металлические пластинки. Полоса ткани была шириной около 3 см и длиной 30 см. К ней крепились также и тесьмы для завязывания. Таким образом, в целом рэкутунпэ достигало длины 55–60 см (*Tsuda* 2004: 67). Имеются две разновидности таких украшений: одна представляет собой лишь кусок прямой поясообразной ткани, другая – пояс, к которому спереди пришивался еще небольшой четырехугольный кусочек материи. Нередко металлические декоративные пластинки являлись изображениями родовых японских гербов, которые доставлялись к айнам с Хонсю (японцы использовали их в качестве товара для меновой торговли с айнами) (*Ainu-no biso:i* 1998: 16). В свое время известный исследователь айнской культуры Н.Г. Манро предположил, что подвески, которые нередко встречаются на рэкутунбэ, вероятно, выполняли функцию амулета (*Munro* 1963: 61). Если это так, то, возможно, "украшения" в айнской культуре изначально выполняли функции амулетов и оберегов. По мнению Н.Г. Манро, ожерелья, независимо от их значения как украшения или знака социальной принадлежности, должны были сами по себе обладать защитными свойствами. То же касается ушных серег, а также и татуировок вокруг рта, предохранявших от проникновения злых духов (*Ibid.*: 61).

Несмотря на то что и тамасай, и рэкутунпэ в настоящее время принято рассматривать в качестве женских "украшений", имеются сведения, согласно которым ожерелья на шее носили и мужчины (*Кюнер* АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 302: 34).

Различного рода шейные амулеты получили широкое распространение в культуре нивхов, оказавших огромное влияние на айнов. Например, при заболевании нивхи носили на шее небольшое антропоморфное изображение "пангх". Когда человек серьезно заболел, шаман вырезал из дерева такую фигурку сам или показывал, как это следует сделать другим. По его рекомендации фигурку надевали на шею для того, чтобы выздороветь, но постоянно их не носили. Обычай нивхов носить идолов на шее

существовал, видимо, и у других амурских народов (*Шренк* 1903, Т. 3: 110). Кроме того, в качестве амулета нивхи использовали свернутый клубочком ремень. Такие амулеты назывались "нгиф" или "кись". Больные надевали их на шею по совету шамана и по выздоровлении. Вновь вспоминается айнский амулет "инока камуй".

Столь близкие аналогии к айнским ожерельям тамасай, которые обнаруживаются в культурах соседних с айнами народностей, вполне дают основание предположить, что тамасай, как и рэкутунпэ, некогда обладало в айнской культуре культовыми функциями.

В качестве ручных украшений айнские женщины носили браслеты "тэкункани" (айнск.), диаметр которых достигал 7 см. Материалом для их изготовления служили латунь, медные пластины и прочие материалы. Кроме того, имелась деревянная продукция, называвшаяся "тэкунни" (*Tsuda* 2004: 67). М.М. Добротворский, проводивший исследования айнов Сахалина, указал на то, что женщины в качестве украшений помимо поясов с медными бляшками носили браслеты на руках, по несколько колец и перстней на пальцах, а также разной величины кольца и серьги в ушах. Кроме этого на груди носили кожаные ожерелья и железные украшения наподобие медали (*сэхпа*) (*Добротворский* 1875: 35). Что касается перстней, то они назывались "торункани", "момпе (помпе)-торункани", либо "момпе-тункани". "Момпе" на языке сахалинских айнов означало палец, а "торункани" – собственно перстень (*Там же*: 173).

Ручные украшения малых народностей северных областей были подробно описаны Л.И. Шренком. Одним из характерных женских украшений всех жителей амурского края являлись серебряные или медные кольца, которые носили иногда по несколько на одном пальце. Кроме этого широко были распространены металлические или костяные браслеты (по-нивхски – "тыгсь"). Их надевали на руку выше кисти. На Амуре мужчины нередко носили на большом пальце правой руки объемистое кольцо (на нивхском языке – "аам"). Такие кольца обычно делались из меди или свинца и украшались разнообразными гравировками и фигурками из медных или серебряных пластинок. С внутренней стороны кольца иногда припаивались серебряные пластинки, края которых загибались наружу. Помимо функции украшения, по словам Л. Шренка, кольцо имело и практическое значение. Нивхи надевали его на большой палец и использовали при стрельбе из лука для более удобного натягивания тетивы. В Китае в качестве украшений аналогичные кольца носили мандарины и другие высшие сановники. В этом случае кольца отличались высоким качеством и изготовлялись из таких материалов, как кость, яшма и агат (*Шренк* 1899–1903. Т. 2: 107). Вероятно, что традиция использования ручных колец и браслетов айнами Сахалина, на которую указал М.М. Добротворский, имела непосредственное отношение к традициям амурских народов. Н.В. Кюнер же отмечал, что у айнов не только женщины, но также и мужчины носили на руках браслеты, на пальцах по несколько колец, а в ушах – кольца и серьги (*Кюнер* АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 302: 34).

На Хоккайдо при раскопках айнского памятника Биби-8, расположенного в районе р. Мисава, был обнаружен медный перстень с орнаментом, датирующийся периодом с середины XV в. по 1739 г. (*Morioka* 2001: 119). Вероятно, на Хоккайдо в средние века в качестве украшений также могли употребляться перстни. Следует отметить, что айны использовали украшения в качестве погребального инвентаря в женских погребениях (*Кюнер* АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 302: 52).

В айнской культуре широкое распространение получили различного рода пояса, отличавшиеся между собой размерами, формой и декоративным убранством. Как правило, пояс представлял собой широкую либо узкую тесьму, которой подпоясывали верхнюю одежду. Для обозначения поясов использовались слова "кусь" (у айнов Хоккайдо) и "куф" (у айнов Сахалина). Пояса для аттуси назывались "аттусь-кут", существовали и другие названия.

Относительно поясов айнов Хоккайдо существуют довольно противоречивые сведения. Согласно одним источникам, мужчины подпоясывали халаты ремненным поясом, на котором постоянно висели нож в деревянных ножнах и кисет (*Хагинака* 1992: 128). Согласно другим, мужчины Хоккайдо поясов не носили, только во время работы подпоясывались тесьмой, в то время как на Сахалине и мужчины, и женщины использовали ремненные пояса, на которых висели нож, кисет для трута, кремня и огнива (*Кюнер АИЭ*, ф. 8, оп. 1, № 302: 33). Сомнения относительно последнего предположения вызывает наличие различного рода поясов айнов Хоккайдо в музейных коллекциях.

На Хоккайдо пояса использовали, в зависимости от времени и от места, как мужчины, так и женщины. Во время танцев, например, поясами кузь подпоясывали хлопчатобумажную одежду. Они были шириной с указательный палец и достигали такой длины, чтобы их можно было обвязывать вокруг талии 2 раза (*Tsuda* 2004: 60). Обычно же, когда накидывали одежду, то ее удерживали при помощи короткой тесьмы. Судя по письменным и изобразительным источникам эпохи Кинсэй, можно предположить, что некогда айны Хоккайдо использовали пояса в виде веревки или плетеного шнура. Такими поясами, как правило, подпоясывали верхнюю одежду. Пояса на Хоккайдо ткались на станках, схожих со станками для изготовления аттуси⁴, и отличались только размерами. Имеются пояса, изготовленные из той же ткани, что и аттуси (лубяные), а также пояса, в которые вплетались крапивные и хлопчатобумажные нити, в том числе и цветные. Как и аттуси, пояса представляли собой продукцию "татэдзима", т.е. сшитые нитями, образующими вертикальные полосы (*Sasaki* 1995: 49). Пояса айнов Хоккайдо были уже, чем японские, и оба конца покрывались хлопчатобумажными тканями.

Что касается поясов айнов Сахалина, то известны образцы, которые ткались из луба, в том числе и из волокна крапивы; с обоих концов они обшивались тканью, а также украшались вышивками и голубыми бусинами. Кроме того, в ходу были пояса из хлопчатобумажных материй с вышивками, напоминавшие налобные повязки матанпуть, пояса, оба края которых обшивались тонкой тесьмой, а также кожаные изделия с металлическими аксессуарами (*Tsuda* 2004: 66). Как на Хоккайдо, так и на Сахалине пояса по всей длине могли декорироваться рядами продольных полосок (такие пояса имеются в собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого). Пояса средней ширины, тканные айнами из японской нити, назывались "ку", широкие пояса, изготовлявшиеся из одних только нитей волокон крапивы (как правило, трех цветов: белого, желтого и темно-синего) – "пара-ку" (*Латышев, Прокофьев* 1988: 79). Существуют и другие варианты названий. Если следовать сведениям М.М. Добротворского, узкие пояса айнов Сахалина шириной "в два пальца" обозначались как "анэ-кут" (*анэ* – "тонкий"), а широкие пояса – "поро-куци" (*поро* – "большой") (*Добротворский* 1875: 13, 260).

Кроме того, судя по данным Б.О. Пилсудского, широкие мужские крапивные пояса назывались "пара-кут", в то время как узкие – "анэ-кут". Разница в прочтении ("анэ-куф", "поро-куци" или "пара-кут") объясняется тем, что для обозначения собственно пояса использовались различные слова, такие как "куф", "куци" и др. (слова "поро" и "пара", вероятно, представляют собой два варианта прочтения слова "большой"). У айнов Сахалина вышитые пояса были известны также под названием "тамбако-тумокоппе" (Там же 1875: 315). Вероятно, существовали разновидности поясов, характеризовавшиеся региональными особенностями. Далее остановимся более подробно на письменных источниках.

В "Эдзоси" (Араи Хакусэки, 1720 г.)⁵ в том месте, где речь идет о женской одежде, говорится, что женщины повязывались широкими поясами "хакутай" (яп.) (*Kikuchi* 1999: 200; *Sasaki* 2001: 71). В "Карафутосимакиран" (1809 г.) об айнах Сахалина сказано, что женщины носили особые пояса, представлявшие собой продукцию сантан.

Они являлись разновидностью японских поясов "сэкитай" (пояса "сэкитай", которые известны также под названием "иси-но оби", получили распространение в эпоху Хэйан в качестве аксессуара военного придворного костюма). На черную кожу, из которой изготавливались эти пояса, крепились латунные гербы в форме ромба. Есть указание на то, что такие пояса не носили женщины Эдзо (Хоккайдо), зато они были в ходу у жителей Курильских о-вов. Известно, что айны Курил использовали также особый пояс "канэ-куф" из кожи с прикрепленными к нему металлическими украшениями (Sasaki 1995: 38). Такие пояса получили распространение и у айнов Сахалина.

Айнские пояса хорошо представляют коллекции ряда отечественных и зарубежных музеев. В Кёльнском этнографическом музее имеется пояс айнов Сахалина в виде узкой тесьмы, по обоим концам которой пришиты чуть расширяющиеся к краям широкие полоски ткани. Изделия такого типа являются продукцией, характерной именно для айнов Сахалина (Ainu ko:geihinten 1999: 51). Аналогичный образец хранится в собраниях Лейпцигского этнографического музея. Однако в данном случае вместо узкой тесьмы используется плетеный шнур из волокон крапивы. Оба конца пояса оформлены широкими полосками матерчатой ткани, декорированными бусинами (Ibid. 1999: 51). Кроме этого в Берлинском национальном этнографическом музее есть пояс айнов Сахалина, несколько отличный по форме от двух предыдущих. Он представляет собой широкую тесьму из волокна крапивы, одинаковой ширины по всей длине. Аналогичный по форме пояс сахалинских айнов хранится и в Лейпцигском этнографическом музее. Он выполнен из хлопчатобумажных нитей пяти цветов (белой, темно-синей, красной, зеленой, коричневой) с использованием нитей из волокон крапивы. Окончания пояса лишь обозначены при помощи поперечных полосок хлопчатобумажной материи черного цвета (Ibid.: 51). Пояса айнов Хоккайдо и Сахалина всесторонне характеризуют и коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Они включают в себя женский пояс, приобретенный на Хоккайдо (№ 839-51), пояс молодого человека, также с Хоккайдо (№ 839-65), женский пояс с Сахалина (№ 829-477). Кроме этого сюда можно отнести и ряд других поясов айнов Сахалина (№ 3125-11; № 3125-4; № 829-478; № 829-378б). Имеются такие пояса, у которых оба конца отчетливо выделяются расширенной частью из накладной материи, декорированной орнаментом. В качестве примера можно привести продукцию айнов с восточного побережья Сахалина (№ 829-372). В целом музейные коллекции свидетельствуют о том, что у айнов Сахалина, в отличие от айнов Хоккайдо, получили распространение главным образом довольно узкие пояса либо одинаковой ширины по всей длине, либо заметно расширяющиеся с обоих концов за счет нашитых кусков материи. Особый интерес представляют пояса айнов Курил. Среди них встречаются образцы с характерной вышивкой, которая указывает на влияние со стороны русских. Известно, что айны Курил соприкасались с культурой русских уже с давних пор (Sasaki 1995).

В собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН имеется редкий экземпляр – пояс с бляхами и ножом сахалинских айнов (№ 700-2а) (Айнские коллекции 1998: 13). Пояса с металлическими бляшками у айнов Сахалина назывались "канэ-куф" (Прокофьев 2005: 68). Подобного рода пояса изготавливали из хорошо обработанной кожи сивуча. Их надевали женщины в праздничные дни (Таксами 1969: 355). Б.О. Пилсудский, отправляясь на медвежий праздник, проводившийся айнами Сахалина, наблюдал, как жена одного его знакомого айна нарядилась в новую одежду из рыбьей кожи и подпоясалась тяжелым ремненным поясом с медными ажурными бляшками и кольцами. На медвежьем празднике женщины плясали в халатах из рыбьей кожи, подпоясанные такими поясами (Пилсудский 1914: 68, 78). М.М. Добровровский также указал, что на Сахалине айнские женщины, особенно молодые, носили пояса, украшенные 20–70 медными бляхами и кольцами, которые называются "куфке". Металлические аксессуары для поясов, такие как бляхи и кольца, айны получали из Манчжурии через нивхов (Кюнер АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 302: 33). То, что это бы-

ло действительно так, подтверждается данными М.М. Добротворского (*Добротворский* 1875: 35, 77).

Интересное наблюдение было сделано К. Киндайти. Он отметил, что пояса из выделанной кожи с металлическими элементами надевали некогда во время камлания женщины-шаманки. Когда надевший его человек начинал двигаться, пояс издавал побрякивающий звук. Таким образом, необычная конструкция пояса довольно логично объясняется его использованием в качестве культового предмета шаманов. То, что пояса кани-куф использовались сахалинскими шаманами как важный источник силы, отмечал и К. Вада. По мнению исследователя, эти пояса представляли для айнов настолько большую ценность, что их помещали в могилу вместе с умершим человеком (*Wada* 1986: 265). По-видимому, функцию декоративного элемента парадного одеяния женщин на Сахалине такие пояса приобрели лишь со временем.

Если согласиться с данными К. Киндайти, полная форма айнского женского одеяния (включая тамасай) в целом восходит к облачению шаманов. Хотя на сегодняшний день пояса с металлическими бляхами известны лишь у айнов Сахалина, некогда они широко использовались и айнами Хоккайдо (*Kindaichi* 1941: 27). В качестве одного из подтверждений данному предположению можно указать на пояс из собраний Берлинского музея, который поступил в 1881 г. от Г. Шлесингера. Местом приобретения пояса является Хоккайдо, область – Цуйсикари. Тем не менее данный образец практически полностью идентичен поясам, бытовавшим в культуре айнов Сахалина, на основе чего можно предположить, что пояс был доставлен на Хоккайдо именно с Сахалина. Ножны, которые прикреплены к поясу, по форме и по декору также всецело соответствуют ножнам айнов Сахалина. Пояс изготовлен из кожи сивуча, к нему прикреплены латунные и железные аксессуары в виде колец и бляшек. Кольца большого и малого размеров, вставленные одно в другое, свешиваются по всей длине пояса на небольших ремешках из оленьей шкуры. Кроме того, по всей длине пояса через центр колец пропущен шнур из темно-синей хлопчатобумажной материи. В центральной части пояса закреплены деревянные ножны для ножа. На перевязи, при помощи которой ножны соединены с поясом, имеется латунная трубочка, два полусферических элемента и мелкие китайские монеты с надписью "канэйчухо" (*Ainu ko:geihinten* 1999: 50). Сбоку на ножнах с одной стороны расположено вытянутое продольное прорезное отверстие, ниже следуют еще три небольших круглых отверстия, расположенных в ряд. Продольное отверстие сбоку ножен можно встретить и на других ножнах с аналогичных поясов.

В различных музейных собраниях хранится около десятка поясов с металлическими бляшками. Интересной особенностью их является то, что форма декоративных элементов (кольца, бляшки и пр.), включая способ монтировки, у всех поясов практически одинаковые. Например, бляшки, закрепляющиеся непосредственно на поясе, на каждом из поясов повторяют одну и ту же форму. Монтировка перевязи, которая соединяет ножны с поясом, у всех ножен остается практически без изменений (она включает в себя латунную трубочку, несколько полусферических латунных элементов и несколько монет)⁶. Кольца, шнур, пропущенный посредине, и другое – удивительно сходны между собой. Все пояса были приобретены на Сахалине. Возникает такое мнение, будто если они производились не одним человеком и не в одной мастерской, то, по крайней мере, в одной местности. Вероятно, айны приобретали уже готовые формы, которые отливались по заказу в большом количестве. В свое время М.М. Добротворский зафиксировал, что каждый из элементов пояса имел специальное название. Так, слово "чабуyno" (чапуйно) указывало на "кольца из желтой меди по три одно в другом на поясе женщины", а также – браслет; "куф-йохтэ" – железное кольцо для застегивания пояса; "куф йохтэ кани" – пряжка пояса; "куф кани" – "медные брошки на поясе вроде пряжек", а также "кружки из желтой меди с резными вырезками на женском поясе" (*Добротворский* 1875: 415). Можно предположить, что металлические бляшки являлись культовыми атрибутами. Известны образцы подве-

сок нанайцев Приамурья, схожие с айнскими, которые представляли собой шаманскую подвеску с изображением предка шамана в кольце бубна (Сэм 2006: 584).

Рассмотрим более подробно некоторые образцы известных на сегодняшний день айнских поясов.

В собраниях Государственного Берлинского музея имеется пояс с ножнами и бляшками, поступивший в 1907 г. От описанного выше хоккайдского образца его отличает главным образом пряжка в виде кольца. Интересный пояс с ножнами, ножом, но без металлических аксессуаров, за исключением монтировки перевязи ножен, хранится в Муниципальном этнографическом музее Кёльна. Он поступил с Сахалина в 1907 г. (L'art du Grand 2001: 521).

Что касается японских собраний, аналогичные пояса имеются в Муниципальном краеведческом музее Асахикива, а также в Кабинете естественных наук и антропологии Токийского университета (Ainubunkaten 1972: 213). Вероятно, данные пояса были приобретены на Сахалине. Обращает на себя внимание тот факт, что первый из двух перечисленных поясов значителен по описям в качестве шаманского. Одной из отличительных особенностей данного пояса является то, что вместо ножен на нем по центру подвешен небольшой колокольчик. Особую форму имеет пряжка. Второй пояс из собраний Кабинета естественных наук представляет собой практически точную копию образца, приобретенного на Хоккайдо, включая и пряжку. Орнамент на ножнах отличается незначительно, отсутствует лишь тесьма, проходящая через кольца.

Если говорить о собраниях российских музеев, то упоминавшийся пояс № 700-2а в целом идентичен поясу с Хоккайдо, но вместо пряжки здесь используется простое кольцо. Кроме того, в ножнах имеется нож. Его рукоять оформлена рядом поперечных насечек, которые чем-то напоминают "рисунок" рукояти японского меча.

Аналогичные пояса с кольцами айнов Сахалина можно встретить и в Сахалинском областном краеведческом музее. Один из них – женский пояс с металлическими кольцами, бляшками и цепочкой (коллекция № 85 – из музея губернаторства Карафута), другой – кожаный женский пояс с бляшками, висячими кольцами и ножнами для ножа – японского производства (коллекция № 1831 – из собраний Б.О. Пилсудского, собранных в 1903 г. в Корсаковском округе) (Прокофьев 1988: 152).

Интересный пояс с металлическими аксессуарами был обнаружен М. Тэцу, совершившим поездку по Сибири в 1990 г. Он посетил одно из амурских селений – Булава, расположенное примерно в 880 км от Хабаровска (в этом селе жили преимущественно ульчи, но также нанайцы и нивхи). Здесь произошла встреча исследователя с одним из стариков рода Куйсали айнского происхождения. В роду Куйсали некогда имелся шаманский пояс, переданный позднее в Новосибирск в Институт археологии и этнографии СО РАН. Из описания, прилагающегося к данному поясу, следовало, что он является шаманским атрибутом, изготовленным из кожи, с пришитыми к нему металлическими подвесками (трубки, бляхи, замок) и двумя деревянными антропоморфными изображениями. В качестве материала использовались кожа, железо, алюминий, медь, бронза, дерево. Судя по описанию, пояс был изготовлен в 1890-е годы на Нижнем Амуре в с. Удан и называется "ямпа" (Тэцу 2000: 118).

Данный пояс несколько отличается по форме от описанных нами выше айнских, тем не менее в целом передает все характерные их черты. Интересно, что в качестве подвесок здесь использовались японские цуба, а также множество металлических трубочек. По всей длине пояса через проделанные на некотором расстоянии друг от друга отверстия пропущена кожаная тесьма. По обоим концам пояс сужается и снабжен с каждой стороны по одной завязке. Металлические бляшки прикреплены не к самому поясу, а свешиваются вниз на небольших подвязках, кольца же, которые во множестве наблюдались на айнских образцах, отсутствуют. Отсутствуют и металлические пряжки для соединения обоих концов. Тэцу Масумото указал на то, что такие пояса у народов Дальнего Востока назывались "ямпа". У орочей так назывались шаманские

пояса, у ульчей – металлические подвески на поясах шаманов, у нанайцев – погремушки на женских халатах, у нивхов – пояса из кожи сивучей с металлическими подвесками. Само слово ямба берет свое начало от глагола "j нгу" (шуметь). В начале XX в. к таким поясам подвешивались детали сельскохозяйственных машин, велосипедов и пр. Вместо утерянных могли использоваться любые металлические предметы.

Обращают на себя внимание гарды японских мечей, которые нередко употреблялись айнами в качестве амулетов и украшений⁷. Вероятно, в XV–XVII вв. между населением Хоккайдо и Нижнего Амура существовали устойчивые связи, о чем и свидетельствуют такие находки. Помимо гард на поясе имелось бронзовое зеркало, на котором был запечатлен один из сюжетов китайской мифологии⁸ (Гам же 2000: 122).

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что пояса с металлическими аксессуарами, которые уже с середины XIX в. использовались айнами в качестве украшений, некогда выполняли магические функции и выступали в качестве одного из важных атрибутов шамана.

Айнские украшения находят аналогии с украшениями народностей северного региона, но не встречаются в японской культуре. Это свидетельствует о том, что айны Сахалина, а также Хоккайдо находились под сильным влиянием со стороны севера. Важное значение украшений для айнов, вероятно, было обусловлено их культовыми функциями.

Примечания

¹ Слово "сантан" появилось в японской литературе в середине XIX в. после того, как сёгунат Токугава серьезно занялся исследованием Сахалина. Японцы познакомились с данным словом у сахалинских айнов, называвших этим этнонимом людей с материка. Такое выражение, как "сантан коэки" ("торговля сантан") впервые ввел в употребление в 1928 г. Я. Суэмацу. Сантан коэки означает торговую деятельность, в которой участвовали ульчи, нивхи, нанайцы, орочи (Сасаки 1992: 120). Активная торговля осуществлялась с Китаем, поэтому китайские товары через нивхов и айнов попадали и на японские острова.

² В эпоху Дзёмон айнские и японские этносы еще не существовали. Образование государства Ямато и формирование древнеяпонской народности происходило в эпоху Кофун (IV–VII вв.). Становление айнской народности приходится на заключительный этап эпохи Сацумон.

³ В период Дзюкудзёмон на Хоккайдо происходило формирование двух региональных культур – Эсан и Эбэцу. Общей основой жизненного уклада их носителей являлись рыболовство и охота. Приблизительно во второй половине VIII – середине IX в. на смену пришла культура Сацумон, распространившаяся практически по всему острову.

⁴ Традиционная айнская одежда из луба.

⁵ Араи Хакусэки (1657–1725) – политический деятель, представитель конфуцианской школы середины периода Эдо, автор многочисленных трудов по истории Японии. Исполнял обязанности при шестом сёгуне Токугава Иэнобу. Работа "Эдзоси", составленная в 1720 г., в настоящее время считается важнейшим источником по изучению айнской культуры эпохи Кинсэй.

⁶ М.М. Добротворскому приходилось встречать на мужских ножнах сахалинских айнов две головки от трубки, мундштук и две манчжурские монеты из желтой меди (*Добротворский* 1875: 76). Все это очень напоминает элементы поясов кань-куф.

⁷ У ульчей, как и у айнов, существовал обычай из поколения в поколение передавать ценные вещи (ткани, украшения, одежду и т.п.). Скорее всего гарды также относились к разряду "сокровищ".

⁸ По форме зеркала удалось установить, что оно происходит из областей Северо-Восточного Китая. Сфера распространения подобного рода зеркал, относящихся к китайской династии Цинь, была довольно обширной. Как отмечалось выше, Тэцу Масумото предпринял интересную попытку выявить археологические параллели таким зеркалам в шаманской атрибутике.

Литература

- Айнские коллекции 1998 – Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Токио, 1998.
 Арутюнов, Щебеньков 1992 – Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992.

- Васильевский и др.* 1982 – *Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.* Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982.
- Добротворский* 1875 – *Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1875.
- Иванов* 1970 – *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Кузнецова* 1997 – *Кузнецова Е.А.* Появление и распространение бронзовых зеркал на территории Японских островов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 3. Новосибирск, 1997. С. 215–218.
- Кюннер АИЭ*, ф. 8, оп. 1, № 302 – *Кюннер Н.В.* Айны. Этнографический очерк // АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 271; 302 (статья писалась в 1939–1940 гг.).
- Латышев, Прокофьев* 1988 – *Латышев В.М., Прокофьев М.М.* Каталог этнографических коллекций Б.О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1988.
- Окладникова* 1995 – *Окладникова Е.А.* "Вануату в зеркале искусств" и проблема этнокультурных контактов в бассейне Тихого океана // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 2-3. СПб., 1995. С. 124–160.
- Пилсудский* 1914 – *Пилсудский Б.О.* На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. Т. 23. Вып. 1–2. СПб., 1914. С. 67–162.
- Прокофьев* 1988 – *Прокофьев М.М.* Каталог – указатель айнских коллекций Сахалинского областного краеведческого музея (конец XIX – первая половина XX вв.) // Айны: Проблемы истории и этнографии / Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып. VI. Южно-Сахалинск, 1988. С. 143–159.
- Прокофьев* 2005 – *Прокофьев М.М.* Каталог коллекций Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина из селения Староайнское (Райтиси) за 1948 г. в собрании Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2005.
- Сасаки* 1992 – *Сасаки С.* Сантан коэки – торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII–XIX вв. // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т. 1. Южно-Сахалинск, 1992. С. 119–127.
- Сэм* 2006 – *Сэм Т.Ю.* Семнотика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири. СПб., 2006.
- Таксами* 1969 – *Таксами Ч.М.* Материалы МАЭ по этнографии айнов Южного Сахалина (XIX – начало XX в.) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании / Сб. МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 337–362.
- Тэцу* 2000 – *Тэцу М.* Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с Нижнего Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, 2000. С. 118–124.
- Хагинака* 1992 – *Хагинака М.* Сита химо – пояс целомудрия // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т. 1. Южно-Сахалинск, 1992. С. 128–133.
- Шренк* 1899–1903 – *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 2, 3. СПб., 1899–1903.
- Ainubunkaten* 1972 – *Ainubunkaten. Tenjihin zuroku* (Выставка айнской культуры. Каталог экспонатов). Oomiya, 1972.
- Ainu ko:geihinten* 1999 – *Ainu ko:geihinten tekekarpe – onna-no waza. Doitsu korekushon kara* [Tekekarpe – textilkunst und anderes kunsthandwerk der Ainu, aus deutschen Sammlungen] (Тэкэкарпэ и предметы прикладного искусства айнов из немецких коллекций): Kat. Kreiner Josef, Kodama Mari. Hokkaido, 1999.
- Ainu-no biso:i* 1998 – *Ainu-no biso:i. Tosa Hayashi korekushon-no sekai* (Айнские наряды. Мир коллекций Тоса Хаяси). Sapporo, 1998.
- Ainu-no rekishi* 2002 – *Ainu-no rekishi to bunka* (История и культура айнов). Shiraoui, 2002.
- Kindaichi* 1941 – *Kindaichi K.* Ainu life and legends. Tokyo, 1941.
- L'art du Grand* 2001 – *L'art du Grand Nord*. P., 2001.
- Morioka* 2001 – *Morioka K.* Sarugawa ry:iki isekigun ni miru ainu-no fu:kei (Облик айнов, который открывают находки из группы памятников района реки Сару) // Yomigaeru kita-no naika, Kinsei; Horidasareta ainubunka (Эпоха средних веков и Кинсэй северных областей; Археологические памятники по айнской культуре). Sapporo, 2001. P. 88–152.
- Munro* 1963 – *Munro N.G.* Ainu creed and cult. N.Y., 1963.
- Sasaki* 1995 – *Sasaki Toshikazu.* Ainu-no ko:gei (Прикладное искусство айнов) // Nihon-no bijutsu (Искусство Японии) 11, № 354. То:кью:, 1995.
- Sasaki* 2001 – *Sasaki Toshikazu.* Ainubunkashi no:to (Заметки по айнской культуре). То:кью:, 2001.
- Tsuda* 2004 – *Tsuda Nobuko.* Ifuku-no katachi (Формы одежды) // Senju:min ainu minzoku (Аборигены айны). То:кью:, 2004. P. 60–69.
- Wada* 1999 – *Wada K.* Ainu shamanism // Ainu: Spirit of a Northern People. Los Angeles, 1999. P. 261–267.